

Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев, Ю.В.Елохина
ПРИНУЖДЕНИЕ К ENFORCEMENT'У,
ИЛИ ГОСУДАРСТВО
В ПОИСКАХ СИЛОВОГО ОПЕРАТОРА

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета. Для связи с автором: grigoritchev@ya.ru.

Юлия Валерьевна Елохина — кандидат исторических наук, начальник управления международных связей Иркутского государственного университета. Для связи с автором: julflower@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматривается специфическая ситуация, складывающаяся в России и связанная с размыванием монополии государства на легитимное насилие. Отталкиваясь от на первый взгляд заурядного частного события, выглядящего как единичный сбой в системе, авторы показывают, что речь идет об одной из значимых практик власти, суть которой обозначается ими как «принуждение к enforcement'у», и анализируют ее истоки и возможные импликации.

В условиях гигантской и значительно различающейся по уровню социально-экономического развития страны принуждение к исполнению правил сопряжено с издержками, превышающими объем получаемых в результате благ. В связи с этим государство ограничивает свои функции энфорсера контролем над совокупностью «кормящих» отраслей, практически не посягая на остальное пространство. Однако в современных реалиях эта тактика перестает работать. Поскольку «кормящие» отрасли уже не в состоянии удовлетворить потребности увеличившегося государства, оно начинает распространять свой контроль на все новые социальные и хозяйственные сферы. Кардинальное расширение пространства применения инструментов принуждения и усложнение процедур, связанных с необходимостью контроля над самими этими инструментами, делают их все более дорогостоящими. Соответственно, ставится задача по их удешевлению — при сохранении, а то и возрастании объема работы. Сам факт постановки такой заведомо невыполнимой задачи заставляет соответствующие структуры искать нестандартные решения, находящиеся за пределами правил, введенных государством.

Созданные в качестве «машин принуждения», они обретают собственный разум и интересы, а с ними и субъектность. Они уже не принуждают к исполнению правил, но начинают их формировать, пытаясь переложить на граждан выполнение своих функций и тем самым подталкивая их к поиску новых энфорсеров, уже совсем не связанных с государством.

Ключевые слова: легитимное насилие, монополия, государство, инструменты принуждения, субъектность

Введение

Проблема государственной монополии на легитимное насилие (enforcement) является одной из ключевых для современной политической философии едва ли не с момента ее зарождения. На протяжении всего Нового времени она постоянно проступает в политико-философских штудиях крупнейших мыслителей эпохи, присутствуя, пусть в не вполне явном виде, уже в «Левиафане» Гоббса¹. Не утратила она остроты и в наши дни². Борьба за эту монополию, утверждение ее через концепт общественных благ, для обеспечения которых и требуется легитимное насилие, да и сама монополия на него составляют квинтэссенцию внутренней жизни государства. Естественно, что каждая эпоха и каждый национальный контекст актуализируют свой аспект этой проблемы.

Сегодня все чаще говорится об утрате государством монополии на легитимное насилие. В частности, широкое распространение получили концепции, связывающие данный процесс со становлением акторов более высокого (глобального) порядка. Это и рассуждения Саскии Сассен о городах (олигополисах), значащих больше, чем государства³, и соображения Зигмунта Баумана относительно противостояния «места» и «потока», территориальной и глобальной власти⁴, и некоторые другие. Впрочем, в последнее время звучат разговоры о восстановлении государством этой монополии, в том числе ввиду остановки «глобального потока», вызванной эпидемией COVID-19⁵.

Обсуждается и размывание государственной монополии на легитимное насилие «снизу», под влиянием внутренних факторов. Пионером здесь был, пожалуй, Вадим Волков, проанализировавший соответствующую тенденцию на отечественном материале⁶. Доводилось писать об этом и одному из авторов настоящей статьи⁷. Речь идет о том, что, будучи не в состоянии «произвести порядок» в той или иной сфере, государство допускает появление в ней иного энфорсера. В данном случае с государством конкурирует не классический «бандит-гастролер» из модели Мансура Олсона⁸, а вполне вписанный в существующую систему альтернативный «стационарный бандит». Собственно, поисками таких альтернативных «стационарных бандитов» и занимаются исследователи, работающие в этой традиции⁹.

Гораздо реже предметом рассмотрения выступают практики, с помощью которых государство, стремящееся сохранить монополию на легитимное насилие, даже не обладая ресурсами для контроля над некоей

¹ Филиппов 2006.

² Олсон 2010; Guillery 2020.

³ Сассен 2000.

⁴ Бауман 2008.

⁵ Пареньков и Петров 2020.

⁶ Волков 1998.

⁷ Бляхер 2017.

⁸ Олсон 2010.

⁹ См., напр. Ерохин 2015.

сферой социальных отношений, препятствует утверждению в ней альтернативного силового оператора. Этим практикам и посвящено наше исследование.

Эмпирическим толчком для него послужило конкретное событие, описание которого будет дано в следующем разделе. Выглядело оно как заурядный единичный сбой в системе, однако оказалось, что аналогичного рода случаи достаточно распространены. Более того, обнаружилось, что в их основе лежит в известном смысле универсальный механизм, который был обозначен нами как «принуждение к enforcement'у». В качестве дополнительного источника эмпирической информации использовались неформализованные интервью с предпринимателями и работниками фискальных служб, собранные в 2013—2021 гг.

**«Если
через отмену —
недели три,
если заплатить —
дня два»:
описание кейса**

¹⁰ Система покупки, при которой покупатель отдает продавцу старый товар в зачет стоимости нового.

Событие, ставшее отправной точкой нашего анализа, произошло в Иркутске в ноябре-декабре 2020 г. Собираясь покупать новый автомобиль, N решил воспользоваться системой трейд-ин¹⁰. Поскольку старая машина была куплена у абсолютно надежного хозяина и к ней ни разу не возникло ни одного вопроса, такой вариант представлялся ему пусть и не самым выгодным, но наименее сложным и максимально юридически защищенным. Был составлен предварительный договор купли-продажи, внесен залог, а где-то через две недели должна была прийти и новая машина. Однако при оформлении старой для сдачи в трейд-ин выяснилось, что на нее наложены ограничения и принять ее автосалон не может. Не зная за собой никаких долгов, N воспринял случившееся как заведомую ошибку, легко поддающуюся исправлению. Правда, двухнедельное ожидание покупаемой машины, казавшееся слишком долгим, вдруг превратилось в жесткий срок для решения проблемы, причем просрочка означала не только срыв покупки, но потерю внесенного в автосалон залога.

В автосалоне пояснили, что ограничения на машину наложены по постановлению, вынесенному судебным приставом пять месяцев назад в отношении некоего Д.М. Имя это ничего не говорило N, но, заглянув (по совету одного из работников автосалона) в ПТС автомобиля, он обнаружил, что Д.М. был первым владельцем машины (N — четвертый) и продал ее за шесть лет до описываемых событий. Абсурдность ситуации подтверждала очевидную ошибочность наложенных ограничений, но порядок дальнейших действий был абсолютно неясен. Представитель автосалона осторожно предложил оплатить задолженность, по которой было наложено ограничение, — «небольшая же сумма» (3500 рублей) — и с квитанцией ехать в ГИБДД.

Поиск в Яндексе по запросу «ограничения на машину по долгам предыдущего хозяина» показал, что ситуация, с которой столкнулся N, вполне типична. По опыту уже попадавших в нее стало понятно, что обращаться следует не в ГИБДД, а к судебным приставам, причем в то самое подразделение, где было вынесено постановление. К счастью,

соответствующая информация представлена на сайте ГИБДД, поэтому установить «ответственное» подразделение удалось довольно быстро. Поиск сведений о местоположении этого подразделения позволил познакомиться и с отзывами о его работе, из которых выяснилось, что рассчитывать на решение проблемы по телефону или электронной почте (как рекомендовалось в некоторых интернет-материалах) бессмысленно. Надо ехать лично.

Первый визит в отдел судебных приставов пришелся на неприятный день, установленный в связи с эпидемией и на сайте не указанный. Однако удалось выяснить, что для начала необходимо узнать, какой именно судебный пристав наложил ограничение. По совету посетителей, также не попавших на прием, в поисках этой информации N обратился к сайту ФССП, где по имени и дате рождения Д.М. нашел и номер постановления, и имя пристава. Насторожил длинный список долгов Д.М., в совокупности превышавших 700 тыс. рублей. Ограничения на действия с автомобилем были наложены по самому маленькому из них, что заставило N пересмотреть свое изначальное отношение к замечанию работника автосалона насчет «небольшой суммы». Вместе с тем у него зародилось сомнение, что причиной случившегося с ним является простая ошибка.

Прием у судебного пристава во время второго визита начался с вопроса: «Кто должник?», что подтвердило предположение о типичности ситуации. После предъявления номера постановления (поиск его самим заявителем подразумевался по умолчанию) приставом были обозначены два возможных решения.

Первый вариант предполагал собственно «исправление ошибки»: пристав вносит сведения об ошибочности наложенных ограничений «в систему», после чего в рамках межведомственного взаимодействия их передают в ГИБДД для обработки и снятия запрета на регистрационные действия с автомобилем. Сроки были обозначены довольно расплывчато — «две-три недели», «пока все по системе пройдет». Учитывая жесткий дедлайн по договору купли-продажи нового автомобиля, этот вариант был чреват срывом сделки и финансовыми потерями.

Второй вариант ожидаемо оказался связан с погашением долга. Кто именно оплатит задолженность, для пристава особого значения не имело («хотите — сами платите, хотите — ищите должника») — для него был важен факт погашения. В этом случае сроки снятия ограничений существенно сокращались («два-три дня, пока мы платеж увидим»). Причины такой разницы в темпах прохождения информации никак не пояснялись.

Чужой долг был оплачен прямо в кабинете пристава. Тем не менее неопределенность осталась: о результатах предпринятых действий предлагалось узнавать самостоятельно («проверяйте сами»), а на вопрос, возможно ли новое ошибочное ограничение по списку задолженностей Д.М., пристав ответил: «Все может быть, у нас же данные из системы». Однако все закончилось благополучно: не прошло и двух суток, как ограничения были сняты, что позволило завершить сделку.

Рассмотренный кейс ставит широкий спектр конкретных вопросов. Следует ли рассматривать ошибочные наложения взысканий судебными приставами как частные эксцессы, или мы имеем здесь дело с типовой ситуацией? Обусловлена ли разница в темпах прохождения информации при снятии ограничений «по оплате» и ввиду «выявленной ошибочности взыскания» объективной спецификой, или речь идет о механизме достижения ФССП показателей, по которым оценивается эффективность ее работы? Иными словами, не является ли описанная «ошибка» способом переложить выполнение функций силового ведомства на плечи обывателя, заинтересованного в решении проблемы, созданной действиями сотрудника ФССП? И если да, то насколько он распространен?

Несмотря на кажущуюся абсурдность описанной ситуации, ее можно считать вполне типичной для России последних пяти-шести лет. Анализ первых ста поисковых выдач в Яндексe и Google по запросу «ограничения за чужие долги» (сортировка по релевантности) показывает, что случаи ошибочного наложения взыскания судебными приставами встречаются повсеместно — от Сахалина и Хабаровска до Подмосковья и Калининграда. Хронологически они охватывают период с 2010 по конец 2020 г., однако с 2016 г. их число заметно возрастает. При этом если для начала 2010-х годов характерны прежде всего мошеннические действия (например, продажа залогового имущества по копии ПТС), то для последних лет — именно ошибки подразделений ФССП.

Это подтверждают и материалы специализированных форумов. Там эта ситуация тоже обсуждается как типичная и постоянно воспроизводящаяся.

«У нас была похожая ситуация. Муж приобрел автомобиль по договору купли-продажи. Аж через год узнаем, что автомобиль на момент сделки был залоговым имуществом банка. Суд без труда вынес постановление об аресте имущества. Когда стало понятно, что с авто придется расстаться, мужу вместе с авторитетными товарищами в частной беседе удалось убедить бывшего владельца решить эту проблему полюбовно. Бывший владелец уже на следующий день выплатил залоговую стоимость автомобиля банку, а банк в свою очередь исключил наш автомобиль из списка залогового имущества должника и выдал соответствующее предписание приставам»¹¹.

¹¹ <https://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=77&i=188167&t=188167>.

Более того, ФССП оказывается далеко не единственной государственной структурой, использующей граждан для решения служебных проблем, точнее, для снижения издержек собственной деятельности. В этом отношении весьма показательна история, в свое время рассказанная нам одним из респондентов.

«Прикинь, приходят ко мне тетки. Такие, знаешь, крашенные, усталые. И говорят, что по их нормативам я должен заплатить такую хорошую сумму штрафа. „За что?“ — говорю. Они мне: „Тогда мы проверять будем“. „Хорошо, — говорю, — проверяйте“. У меня японцы аудит проводили. Все чисто. Месяца два копали,

ничего не нарыли. А потом счета арестовали. Типа на время проверки. Представь, ни одна проплата не идет, ничего. Я потыкался туда-сюда и, знаешь, на мировую пошел. Нашли с главбухом у себя нарушения. Честно заменили правильную бумажку на неправильную. Принесли им. А главная их тетка говорит: „Еще тысяча на пятьсот напишите, тогда и хорошо будет“. И ведь написал. Вот так и живем» (мужчина, 57 лет, руководитель и владелец предприятия, интервью 2013 г.).

Сходные случаи упоминаются во многих интервью, причем не только с предпринимателями, но и с работниками фискальных и иных контрольных служб, которые не усматривают в подобных практиках каких-либо нарушений. Для них это нормальный способ решения своих производственных задач.

«У нас достаточно сложный регламент работы. А не то что проверить, даже найти предпринимателя бывает трудно. Адрес непонятный, телефон не обслуживается. Ищи его. Вот и приходится работать с теми, на кого данные есть. И работать нужно очень быстро. Иначе в график вписаться почти невозможно, если полностью регламента придерживаться» (женщина, 43 года, работник налоговой инспекции, интервью 2017 г.).

Применительно к рассматриваемой нами проблеме особенно важно, что инспектор требует от предпринимателя «предъявить» нарушение. Самостоятельный поиск таковых (проверка) воспринимается им как форс-мажор, который мешает нормальной работе. Это лишняя трата времени, снижение показателей работы. Чтобы избежать такого рода издержек, и используется механизм давления (блокировка счетов).

В каком-то смысле эта система, когда давление осуществляется не с целью принуждения к исполнению правил, а с целью делегирования контроля над их выполнением контролируемым, становится всеобщей. Ее можно усмотреть в том числе и в практике реализации «майских указов». И если в упомянутых выше случаях речь шла о деятельности низовых агентов (рядовых работников ФССП, налоговой инспекции и т.д.), то здесь уже проступают явные элементы государственной политики. Правда, на подвластных (руководителей бюджетных организаций) тут перекладывается не принуждение, а исполнение государственных обязательств, но это отличие не кажется нам принципиальным. Во всех описанных кейсах государство в явочном порядке перекладывает на граждан свои функции, не обеспечивая их ни полномочиями, ни ресурсами.

Но чем объясняется такое положение вещей и каковы причины возникновения ситуации «принуждения к enforcement'у»? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходим краткий экскурс в историю становления современного типа энфорсера в постсоветской России.

**Постсоветский
enforcement:
от «криминальных
крыш»
к дирижистскому
государству**

Крушение СССР и радикальные хозяйственные трансформации начала 1990-х годов подорвали сами основания легитимного насилия и производства порядка в стране. Продолжая пользоваться еще советской юридической оптикой, государство просто не видело новых социальных и экономических отношений. Новые хозяйствующие субъекты остро нуждались в энфорсере, но не могли обрести его в лице государства. Эту лауну и заполнили «криминальные крыши». Причины выдвижения на авансцену именно этого энфорсера вполне очевидны. Генетически новая экономика во многом восходила к теневой экономике советских времен, где функцию принуждения к исполнению правил игры традиционно выполнял криминал. Легализация теневых хозяйственных субъектов привела и к частичной легитимации деятельности «крыш».

Однако этот период продолжался совсем недолго. Будучи явлением сугубо локальным и не вполне легальным, «криминальные крыши» были эффективны на уровне стихийных рынков и небольших магазинчиков¹². Но как только хозяйствующие субъекты вышли за этот уровень, «крыши» перестали их удовлетворять. Возникла потребность не только в легитимном, но и в легальном энфорсере, способном гарантировать межгородские и межрегиональные трансакции, придать экономическим агентам необходимую для международных контактов респектабельность, обеспечить упорядоченность социальных отношений. В этой роли выступили «региональные бароны»¹³ — энфорсеры губернаторского уровня. В духе ельцинского «берите суверенитета, сколько хотите»¹⁴ они стали главными энфорсерами страны, воплощавшими ее федеративную сущность. Договоренности между ними и федеральной властью составляли в тот период политический скелет страны. Однако большая часть этих договоренностей действовала в неформальной сфере, в «тени». Сложилось две не вполне связанные друг с другом реальности: реальность правовых норм и политических деклараций, воплощенных в Конституции, и реальность неформальных институтов, пронизывавших ткань страны сверху донизу¹⁵. Противоречие между легальными и фактическими институтами в России 1990-х годов и оказалось фатальным для «региональных баронов».

В силу ряда причин, анализ которых не входит в наши задачи, группа, пришедшая к власти на рубеже веков, оказалась вне системы неформальных договоров. Образующие ее акторы либо о них не знали, либо не были ими охвачены. Их картина реальности строилась на «внешнем взгляде», фиксирующем лишь формальную сторону дела. В результате Россия в их глазах предстала слабо скрепленным, разваливающимся телом, пораженным криминалом и разъедаемым коррупцией. В рамках этой картины реальности монополия на легитимное насилие государством была утрачена — ведь фактические энфорсеры того времени действовали в неформальной сфере и имели специфическую институциональную основу, невидимую для новой властной группы. Соответственно, развернулась борьба за восстановление монополии, а точнее, за вытеснение существующих энфорсеров.

¹² Бляхер (ред.) 2000.

¹³ Bliakher 2013.

¹⁴ Синцов и Битюцкий 2019.

¹⁵ Панях 2003.

Все институциональные наработки 1990-х годов были объявлены криминальными. Благодаря взлету цен на энергоносители в середине «нулевых» у центральной власти появился ресурс, значительно превосходивший ресурсы «губернаторских экономик». Началось построение «вертикали власти»¹⁶. Монополия на легитимное насилие перетекала в федеральный центр, постепенно избавлявшийся от предиката «федеральный». Причем перетекала она именно к новой властной группе. Прежние энфорсеры федерального уровня активно вытеснялись.

¹⁶ Гаман-Голутвина 2007.

Однако у строившейся «вертикали власти» имелся ряд особенностей, заметно отличавших ее от классической модели «стационарного бандита» Олсона¹⁷. «Стационарный бандит», как, впрочем, и «бандит-гастролер», изымает часть прибавочного продукта, произведенного населением на контролируемой им территории. Но, в противоположность «гастролеру», осуществляя такое изъятие, он придерживается неких рамок, чтобы население не утратило резон продолжать какую бы то ни было деятельность, и при этом предлагает ему крайне важную услугу — производство порядка, производство гражданского состояния из хаоса «войны всех против всех»¹⁸.

¹⁷ Olson 1982.

¹⁸ Заостровцев 2010.

В России власть устроена несколько иначе. Ведь осмысленность действиям стационарного бандита сообщает то обстоятельство, что его издержки по изъятию и производству порядка существенно ниже тех благ, которые он в результате получает. В условиях же России с ее огромными расстояниями, относительно слабо развитой дорожной сетью и сравнительно редким населением издержки контроля и изъятия оказываются крайне высокими, бессмысленная работа энфорсера¹⁹. Поэтому и его функционирование выстроено по-другому²⁰.

¹⁹ Бляхер 2019.

²⁰ Кордонский 2009.

Экономика власти базируется здесь не на систематически организованном изъятии прибавочного продукта, а на контроле над «кормящими» отраслями. При этом «кормящими» выступают прежде всего экспортные отрасли, менявшиеся на протяжении веков (от пушнины и зерна до нефти, газа и оружия). Но экономика власти — это еще не власть. Власть, безусловно, порождается тем, что именно она выступает самым мощным силовым оператором на некоей территории. Однако ее легитимность в рассматриваемом случае определяется не этим, а скорее способностью распределять, раздавать²¹. В отличие от классической модели государства Модерна, «стационарный бандит» этого типа производит не порядок, а раздачу (или, в терминологии Ольги Бессоновой, «раздаток»). Раздача и становится ключевым фактором, легитимирующим контроль над «кормящими» отраслями (в интересах народа, в интересах большинства и т.п.). Потому содержанием тайной жизни власти, ее «темного колодца»²² оказывается борьба за контроль над основными «кормящими» отраслями с одновременным расширением круга их бенефициаров.

²¹ Бессонова 2015.

²² Алексеенкова и Сергеев 2008.

Остальные отрасли хозяйства и сферы социальной реальности для власти, строго говоря, безразличны. Они часто продолжают благополучно существовать в «серых сферах». В некоторых случаях они

²³ Шанин 1990.

даже могут быть частично легализованы, как производственные кооперативы в СССР 1930—1950-х годов²³. Более того, наличие таких «дополняющих» сфер для власти (государства) достаточно удобно. Оно снижает ее издержки контроля, сужает круг «кормящихся» от ключевых отраслей.

Но есть обстоятельства, которые могут кардинально изменить это в целом вполне комфортное для общества состояние. Во-первых, существование «серых» или частично легализованных, но не контролируемых отраслей и сфер может быть сочтено опасным. Ведь там может возникнуть и укрепиться альтернативный энфорсер, способный впоследствии заявить претензии и на контроль над «кормящими» отраслями. Во-вторых, доходность таких отраслей может сократиться. В данном случае не столь важно, что будет тому причиной — падение цен, возрастание издержек или увеличение числа бенефициаров. Важно, что в поисках новых источников «кормления» власть (государство, аппарат принуждения) может обратить свой взор на прежде не особенно интересовавшие ее отрасли, поставив их под жесткий контроль. Подобные коллизии отчетливо просматриваются и в новейшей истории России.

²⁴ Бызов 2019.

В борьбе рубежа XX—XXI вв. за контроль над «кормящими» отраслями формальная сила государства была радикально недооценена прежними энфорсерами. Идея возвращения ему функций верховного энфорсера (принципала) получила поддержку широких слоев населения, став основой «путинского консенсуса» «нулевых» годов²⁴. Первоначальная легитимность новой группы базировалась на прекращении войны в Чечне, успех в замирении которой не смогли пошатнуть ни «Курск», ни Беслан. Именно благодаря этому ей и удалось запустить процесс перехода в свои руки контроля над «кормящими» отраслями. В дальнейшем сфера поддержки только расширялась. Взлет цен на энергоносители обеспечил новым хозяевам Кремля материальный ресурс, необходимый для осуществления распределения и раздачи. Поскольку уже к 2004 г. этот ресурс значительно превысил все «губернаторские экономики», число охваченных раздачей, да и сам объем раздаваемого оказывались намного больше, чем в рамках таких экономик. Это позволило правящей группе начать наступление на всю сеть неформальных договоров 1990-х годов. Постепенное отстранение от власти представителей ближайшего окружения Бориса Ельцина, дело ЮКОСа, отмена выборности губернаторов стали шагами на этом пути. По мере продвижения по нему сложилось второе основание легитимности новой группы — преодоление наследия «лихих девяностых», которые во властном дискурсе однозначно связывались с застоем криминала, резким снижением уровня жизни, национальным унижением и т.п.²⁵

²⁵ Стародубровская и Мау 2004.

Но раздача оказалась не просто значимым элементом «путинского консенсуса», а общим принципом существования слившихся политики и экономики. Дело в том, что сражения со старым губернаторским

корпусом как представителями прежней системы неформальных договоров (наследием «лихих девяностых») повлекли за собой и уничтожение «губернаторских (региональных) экономик», в значительной мере существовавших в «тени». Официально в 1990-е годы регионы были бедны, испытывали чудовищные сложности и в экономике, и в социальной сфере, подвергались самым разнообразным угрозам — от исламского (Татарстан) и этнического (Чечня, Якутия) экстремизма до «желтой экспансии» (регионы востока России). Собственно, легитимность региональных властей в глазах федерального центра и строилась на представлении о том, что только они способны удержать ситуацию²⁶. Официально отсутствовавшая «губернаторская экономика» и была объявлена криминальной, что неизбежно отразилось на самих губернаторах. Последовательное сокращение их полномочий привело к утрате ими былой эффективности в качестве энфорсеров и монополизации федеральным центром права на принуждение.

²⁶ Бляхер 2004.

Начался дрейф регионального бизнеса под «федеральную крышу», ибо только там теперь можно было получить соответствующие услуги. Но цена этих услуг оказалась неподъемной для многих хозяйствующих субъектов, которые или полностью уходили в «тень», или прекращали деятельность. Ликвидация «губернаторской экономики» нанесла серьезный удар по уровню жизни значительных групп населения, ответом на который в ряде случаев (например, в Приморском крае) стали массовые протесты²⁷.

²⁷ Бляхер 2009.

Для смягчения ситуации были использованы активная социальная политика (население) и масштабные федеральные проекты (бизнес). Однако здесь обозначилась новая проблема. Расширение государственного или связанного с государством бизнеса сопровождалось сужением пространства отраслей, с которых кормилось население помимо государства. Но если локальный бизнес опирался на межличностное доверие и плотные деловые сети, нивелировавшие возможные слабости энфорсера, то доверие между федеральным центром и региональным, как, впрочем, и любым иным, бизнесом было совсем невысоким. Возникла необходимость контроля, который бы компенсировал отсутствие доверия между контрагентами.

Но контроль — это увеличение издержек, особенно в условиях гигантской страны со сравнительно редким населением. Он относительно эффективен в столицах, имеет смысл в мегаполисах, но уже в просто крупных городах дает сбой²⁸. Контролеры начинают «проявлять понимание», «договариваться», а закон остается не столько регулятором, сколько высшей планкой риска²⁹. Соответственно, встает вопрос о контроле над контролерами. Возрастает плотность регулирования, делающая предпринимательство, да и любую социальную или управленческую активность затруднительной. В эпоху дорогой нефти и «либеральной империи» эти трудности отчасти сглаживались траншами из федерального бюджета или из бюджета госкорпораций. Вместе с тем в силу роста издержек такие транши доставались уже не всем,

²⁸ Кордонский 2009.

²⁹ Панях 2007.

реализуясь «на конкурсной основе». Это, в свою очередь, требовало новых контролеров, а значит, новых издержек.

С падением цен на энергоносители положение дел еще больше осложняется. Государственной или контролируемой государством оказывается большая часть экономики страны. Стремление власти увеличить число «кормящих» отраслей («люди — вторая нефть»³⁰) ведет к дальнейшему сокращению пространства свободного бизнеса. Формируется дирижистское государство, прямо или опосредованно контролирующее практически все сферы социальной реальности. Попытки сохранить хоть какие-то реликты «губернаторской экономики» даже с целью выполнения своих непосредственных обязанностей оборачиваются для региональных руководителей опалой в форме отставки по «утрате доверия», а то и уголовного преследования. Расширение числа «кормящих» отраслей при одновременном снижении издержек контроля превращается в вопрос выживания власти.

Одним из способов компенсировать сокращение налоговых поступлений становятся штрафы. По мнению некоторых наших респондентов, сумма штрафов сегодня сопоставима с суммой уплаченных налогов. Не столь важно, в какой мере эта оценка соответствует действительности. Важнее, что именно так воспринимают ситуацию социальные агенты. Причем штрафуются не только предприниматели. Все чаще штрафам подвергаются «бюджетники», еще недавно выступавшие главной опорой режима.

Но здесь снова возникает проблема соотношения дохода и издержек. Для получения дохода в виде штрафа необходимо затратить (оплачиваемое) время контролера. При этом речь идет не только о том времени, которое требуется для проведения проверки: поскольку плотность регулирования деятельности контролеров неуклонно возрастает, у них, как и у любых других акторов, все больше времени занимает исполнение формальных процедур — нередко в ущерб времени, уделяемого самой деятельности. Эту тенденцию достаточно ярко иллюстрирует интервью, взятое в 2021 г. в Хабаровске.

«В январе прошлого года я на один день с опозданием сдал отчет по сотрудникам нашей бизнес-ассоциации. Через полтора месяца мне пришло уведомление — вызов в суд, административное нарушение. Цена вопроса 800 рублей. Заплатила. Это уже был октябрь 2020 г. После этого началось интересное: с сайта „Госуслуги“ пришло уведомление, что у меня есть штраф. Нашла: дело то же самое. Написала обращение. Приходит уведомление, что штраф снят. Буквально две недели назад опять с „Госуслуг“ уведомление, что штраф надо оплатить. Дозвониться до приставов невозможно. Написала еще одно обращение, приложила опять ту же квитанцию с оплатой и потребовала прекратить исполнительное производство. Ответ пришел незамедлительно: отказ на заявление. Суть ответа такая: мы доведем дело до конца и тогда прекратим» (женщина, 45 лет, предприниматель).

³⁰ <https://ria.ru/20090316/165063972.html>.
Автор формулы — Сергей Иванов, в 2009 г. занимавший пост вице-преьера.

В результате власть оказывается в ситуации, когда ей надо, с одной стороны, сохранить контроль над все более расширяющейся сферой огосударствленной жизни, ибо без этого невозможно получить доход, необходимый для ее выживания, а с другой — снизить издержки, грозящие обесмыслить саму ее деятельность, причем все это на фоне неуклонно снижающегося доверия не только между государством и обществом, но и между разными агентами государства. Рассмотренный выше кейс и представляет, на наш взгляд, один из вариантов решения этой нетривиальной задачи. Но для выявления механизма, лежащего в его основе, стоит попытаться описать его в более обобщенной форме.

«Восстание машин»: инструмент в поисках субъектности?

Логика энфорсmenta подразумевает существование правила, обязательного для участников регулируемых отношений. Энфорсер создает структуру, выступающую его инструментом и принуждающую граждан действовать в соответствии с этим правилом. Понятно, что подобная структура не идеальна и a priori предполагает «право на ошибку», а также механизмы устранения таковых в рамках установленного правила.

По лаконичному определению Волкова, социальный институт принуждения включает в себя три базовые составляющие: систему ограничений и предписаний, легитимирующую их когнитивную схему и воспроизводимое поведение, позволяющее фиксировать отклонения и при необходимости применять санкции³¹. Ошибочные наложения взысканий со стороны ФССП (и других аналогичных служб) оставались бы в рамках устоявшейся системы ограничений и предписаний при наличии типовых решений проблемы, укладываемых в когнитивную схему. Теоретически такое решение предусмотрено и в службе судебных приставов: чтобы снять наложенные по ошибке ограничения, нужно предоставить судебному приставу документы, подтверждающие неправомерность его действий. Именно так предлагается действовать попавшему в подобную ситуацию в заявлениях официальных представителей контрольных органов и составленных на основе их рекомендаций³².

Однако, как мы видели, решение это часто не работает: предоставление подтверждающих документов не приводит к снятию ограничений и требует дополнительных усилий со стороны заявителя. Более того, снятие ограничений, наложенных по конкретному поводу, не служит гарантией от аналогичных «ошибок» по другому основанию. Как следствие, вместо четко обозначенной схемы действий, воспроизводимой в типичной ситуации, перед объектом принуждения открывается спектр возможных вариантов поведения. Помимо уже описанного, к ним относится оплата чужого долга или принуждение к этому реального должника. В последнем случае речь фактически идет о том, что на человека возлагаются функции энфорсера, для

³¹ Волков 2020: 22.

³² См., напр. <http://ch-inform.ru/index.php/novosti/item/5163-dolzhniki-dvojniki-cto-delat-ctoby-ne-oplachivat-chuzhie-dolgi>.

исполнения которых у него нет ни силового, ни символического, ни экономического ресурса.

Впрочем, какой бы вариант поведения он ни выбрал, ему все равно придется в той или иной мере выполнять функции энфорсера. При любых обстоятельствах пострадавший от «ошибки» государственного агента гражданин вынужден производить ряд действий, являющихся прерогативой учреждений, через которые реализуются функции социального института. Во всех выявленных нами случаях подобных «ошибок» собственники должны были самостоятельно устанавливать причины наложения взыскания, хронологию действий должностных лиц, их аргументацию (а зачастую и самих должностных лиц, так как эта информация оказывалась необходимым условием дальнейших шагов), иными словами, *реконструировать правило*, лежащее в основе института. По большей части им требовалось также восстановить коммуникацию между ведомствами, осуществляющими надзор и санкции, ибо без этого *повторяемость поведения* в соответствии с правилом была невозможной. По сути, ФССП делегировал гражданину право на энфорсмент, в нормальной ситуации выступающее предметом острой конкуренции и, безусловно, с позиций «верховного энфорсера» не подлежащее отчуждению. Более того, поскольку большинство граждан не имеет ни ресурсов для выполнения функций силового оператора, ни желания брать их на себя, эти функции им навязываются. Фактически энфорсер использует свои возможности по принуждению не для обеспечения повторяемости поведения, а для принуждения граждан к выполнению функций энфорсера. Инструмент принуждения создает собственный инструмент принуждения.

Причина тоже достаточно очевидна. Кардинальное расширение пространства применения инструмента принуждения и усложнение процедур, связанных с необходимостью контроля над самим этим инструментом, делают его все более дорогостоящим, повышая издержки энфорсера. Соответственно, ставится задача по его удешевлению — при сохранении, а то и возрастании объема работы. Но процедуры при этом не упрощаются, так как именно они и воплощают для властей идею порядка и контроля. Постановка заведомо невыполнимой задачи ведет к поиску нестандартных решений, находящихся за пределами правил, введенных верховным энфорсером (принципалом). Ведь инструмент состоит из людей, которые в этих условиях начинают борьбу за свои рабочие места, в силу специфики своей деятельности конструируя собственные инструменты.

В свое время один из авторов этой статьи описывал типологически близкую ситуацию, когда региональной власти необходимо было обеспечить собственную несменяемость при сохранении института выборов. Эта проблема решалась путем формирования механизма презумпции виновности, основанного на правовом избытке, когда одно и то же действие регулировалось несколькими противоречащими друг

³³ Бляхер и Огурицова 2006.

другу законодательными нормами, делая едва ли не любое деяние заведомо преступным³³. Раскачивая маятник между законом и нормой, власть гарантировала себе относительно комфортное существование в условиях выборности. В нашем случае механизм выстраивается на иной, но сходной по принципам организации основе.

³⁴ Басманова, Березовская и Тельнова 2018; Петров 2019.

³⁵ Волков 2020: 277.

ФССП, налоговая инспекция и иные надзорные органы являются в глазах обывателя не столько представителями энфорсера, сколько полноценными энфорсерами, которые имеют право на принуждение для реализации собственных интересов. Точно так же субъективируются и другие силовые ведомства, интересы которых нередко описываются как один из ключевых факторов российской внутренней политики³⁴. То, что ФССП, как и прочие силовые структуры, есть не более чем механизм («hardware»³⁵) энфорсера-государства и «собственных» интересов у нее не может быть по определению, остается за скобками. В рассмотренном нами случае ФССП вольно или невольно обретает субъектность, распоряжаясь монопольным правом государства на принуждение. Начиная самостоятельно определять, каким образом выполнять свои функции, ведомство тем самым выводит себя за пределы логики энфорсера. Новый силовой оператор уже не реализует правило, лежащее в основе института, но формирует собственное. Обретаемая инструментом субъектность оказывается залогом его эффективности, а значит, и выживания.

* * *

³⁶ Olson 1982: 67.

Производство новых силовых операторов, похоже, становится все более явным трендом. Маятник энфорсера начинает раскачиваться между формально существующим правилом и связанными с ним средствами принуждения — и правилом латентным, которое населению предлагается угадать, реконструировать и которое устанавливается уже не принципом, а инструментом принуждения, обретающим субъектность. Об этом свидетельствует само формирование такой субъектности и альтернативных (пока латентных) правил. В цитированной выше работе Олсона факт наличия агентов, способных вводить альтернативные правила, трактуется как утрата монополии на легитимное насилие³⁶. При этом в качестве конкурентов энфорсера выступают созданные им же самим инструменты, которые под влиянием ситуации субъективируются. Парадоксальным образом действия верховного энфорсера, нацеленные на расширение подконтрольной ему зоны, имеют своим следствием производство силовых операторов, не обеспечивающих, а, напротив, оспаривающих его монополию на принуждение.

Пока еще эти операторы пребывают в состоянии скорее «бандитов-гастролеров». Альтернативные правила окончательно не сформулированы, пространство власти не вполне определено. Сохраняются и реликтовые формы контроля политической власти (верховного энфорсера — принципала) над функционированием инструментов принуждения.

Во всяком случае, увольнение президентом руководителя силового или контрольного ведомства на данный момент более вероятно, чем обратная ситуация. Однако основа для становления новых энфорсеров и их конкуренции уже заложена. «Восстания машин» пока не случилось, но оно уже возможно.

Более того, отсутствие у граждан, обрекаемых на роль энфорсера, адекватных этой роли легальных инструментов приводит к появлению новой, и весьма значимой, сферы, куда неизбежно внедряется новый силовой оператор. Уже в приведенной выше выдержке из обсуждений в социальных сетях упоминаются «авторитетные товарищи», помогающие «решить вопрос». Наиболее распространенным их вариантом сегодня являются коллекторские агентства, чья сфера деятельности относительно невелика. Но по мере расширения практики принуждения к enforcement'у их активность будет возрастать, становясь все менее формальной и контролируемой, что в пределе может обернуться превращением их в отдельных силовых операторов, уже никак не связанных с государством.

Таким образом, решая текущие тактические проблемы, энфорсер сам плодит своих конкурентов. На сегодняшний день говорить об этом процессе как о чем-то завершенном довольно сложно. В силу коллективности альтернативного энфорсера его формирование может растянуться надолго и так и не состояться. Иной «стационарный бандит» пока не сложился. Однако уже появились многочисленные «бандиты-гастролеры», которые хотя еще не сформулировали в явном виде собственные правила, вполне успешно разрушают формализованные установки, на которых покоится власть государства.

Библиография

Алексеев Е.С. и В.М.Сергеев. (2008) «Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности)» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 148—165. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Alekseenkova_2008_3.pdf (проверено 10.02.2021).

Басманова Е., О.Березовская и С.Тельнова. (2018) «Каждый пятый депутат Госдумы лоббирует интересы силовых структур» // *Transparency International*, 28.08. URL: <https://lobbying.transparency.org.ru/siloviki/> (проверено 09.01.2021).

Бауман З. (2008) «Город страхов, город надежд» // *Логос*, № 3: 24—53. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (проверено 10.02.2021).

Бессонова О.Э. (2015) *Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции*. М.: РОССПЭН. URL: http://lib.ieie.su/docs/2015/Bessonova_2015_Rynok_i_razdatok_v_rossijskoj_matrice.pdf (проверено 10.02.2021).

Бляхер Л.Е. (2004) «Политические мифы Дальнего Востока» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 28—39. URL: <https://www.>

politstudies.ru/files/File/2004/5/Polis-2004-5-Blyakher.pdf (проверено 10.02.2021).

Бляхер Л.Е. (2009) «Почему „шумит“ Приморье?» // *Вопросы местного самоуправления*, № 6: 23—31.

Бляхер Л.Е. (2017) «Российские регионы в поисках силового предпринимателя» // *Полития*, № 2: 60—79. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-2\(85\)-60-79.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-2(85)-60-79.pdf) (проверено 10.02.2021).

Бляхер Л.Е. (2019) «Политическая форма России и социально-политические структуры Северной Евразии» // *Полития*, № 1: 114—148. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1\(92\)-114-148.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1(92)-114-148.pdf) (проверено 10.02.2021).

Бляхер Л.Е., ред. (2000) *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса: На примере мелких предпринимателей и самозанятых*. М.: МОНФ.

Бляхер Л.Е. и Т.Л.Огурцова. (2006) «Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 53—66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (проверено 10.02.2021).

Бызов Л.Г. (2019) «От расцвета к упадку. Ценностное измерение путинской эпохи (2000—2018)» // *Свободная мысль*, № 2: 49—64.

Волков В.В. (1998) «Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства (Исследовательская гипотеза)» // *Полис. Политические исследования*, № 5: 39—47.

Волков В.В. (2020) *Силовое предпринимательство, XXI век: Экономико-социологический анализ*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Гаман-Голутвина О.В. (2007) «Меняющаяся роль государства в контексте реформ государственного управления: отечественный и зарубежный опыт» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 24—45. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2007/4/3.pdf> (проверено 10.02.2021).

Ерохин И.Ю. (2015) «Казачья модель государственной вертикали» // *Пробелы в российском законодательстве*, № 3: 44—48.

Заостровцев А.П. (2010) «Мансур Олсон об автократии, демократии и развитии» // Заостровцев А.П., ред. *Экономика и институты*. СПб.: Леонтьевский центр: 129—155. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/g75cmkftd8/direct/71336130.pdf> (проверено 10.02.2021).

Кордонский С.Г. (2009) «Административно-территориальная структура России и ее ресурсно-сословная природа» // *Мир России: Социология, этнология*, т. 18, № 3: 3—38.

Олсон М. (2010) «Диктатура, демократия и развитие» // *Экономическая политика*, № 1: 167—183. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/22/1251382788/13.pdf> (проверено 10.02.2021).

Панеях Э.Л. (2003) «Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый» // *Политическая наука*, № 1: 33—52.

Панеях Э.Л. (2007) «Чиновник против предпринимателя: манипуляция законом как базовая техника контроля в постсоветской России» // *Полития*, № 2: 5—26. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Paneyah-2007-2.pdf (проверено 10.02.2021).

Пареньков Д.А. и К.Е.Петров. (2020) «Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии» // *Международная аналитика*, т. 11, № 2: 109—121.

Петров Н. (2019) «20 лет Путина: трансформация силовиков» // *Ведомости*, 21.08. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/21/809260-transformatsiya-eliti> (проверено 07.03.2021).

Сассен С. (2000) «Приведение глобальной экономики в действие: роль национальных государств и частных факторов» // *Международный журнал социальных наук*, № 28: 167—175.

Синцов Г.В. и Е.В.Битюцкий. (2019) «Роль и последствия „парада суверенитетов“ 1990—1991 гг. в становлении и развитии российской государственности» // *Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. Общественные науки*, № 1 (49): 59—66. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/07119.pdf (проверено 10.02.2021).

Стародубровская И.В. и В.А.Мау. (2004) *Великие революции: От Кромвеля до Путина*. М.: Вагриус.

Филиппов А.Ф. (2006) «Критика Левиафана» // Шмитт К. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса: Смысл и фиаско одного политического символа*. СПб.: Владимир Даль: 5—100.

Шанин Т. (1990) «Формы хозяйства вне систем» // *Вопросы философии*, № 8: 109—115.

Bliakher L.E. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Guillery D. (2020) «Domination and Enforcement: The Contingent and Non-Ideal Relation between State and Freedom» // *Politics, Philosophy and Economics*, vol. 19, no. 4: 403—423.

Olson M. (1982) *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press.

РОСИИИ

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, Yu.V.Elokhina
**FORCED ENFORCEMENT,
 OR THE STATE IN SEARCH OF ENFORCER**

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs, Irkutsk State University. Email: grigoritchev@ya.ru.

Yulia V. Elokhina — Ph.D. in History, Head of the International Relations Department, Irkutsk State University. Email: julflower@yandex.ru.

Abstract. The article examines a specific situation that is emerging in Russia and is associated with the erosion of the state monopoly of the legitimate use of violence. With the example of a seemingly routine private event that looks like a single failure in the system, the authors show that it represents one of the most significant practices of power holders, the essence of which they define as “forced enforcement” and analyze its origins and possible implications.

In a gigantic country, the regions of which vary significantly in the level of their socio-economic development, enforcement of rules is associated with costs that exceed the amount of the resulting benefits. Therefore, the state limits its function as an enforcer to the control only over the key industries and does not encroach on the rest. However, under the contemporary conditions this tactic stops working. Since key industries are no longer able to meet the needs of the enlarged state, it begins to extend its control to the new social and economic spheres. The dramatic expansion of the area of application of the enforcement tools and complicated procedures associated with the need to control these tools themselves make them more and more costly. Thus, the task is to make them less costly, while maintaining, or even increasing, the volume of work. The very fact of intentionally setting such an insurmountable task makes the corresponding organs look for non-trivial solutions that are outside the state-imposed rules. Created as “enforcement machines”, they acquire their own mind and interests, and thus their own subjectivity. They no longer enforce the rules, but begin to form them, trying to shift the fulfillment of their functions to citizens and thereby pushing them to search for new enforcers that are not at all connected with the state.

Keywords: legitimate violence, monopoly, state, enforcement tools, subjectivity

References

- Alekseyenkova E.S. and V.M.Sergeev. (2008) “Temnyj kolodets vlasti (o granitse mezhdru privatnoj sferej gosudarstva i privatnoj sferej lichnosti)” [The Dark Well of Power (on the Boundary between the Private Sphere of the State and the Person’s Private Sphere)] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 148–165. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Alekseenkova_2008_3.pdf (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)
- Basmanova E., O.Berezovskaya, and S.Telnova. (2018) “Kazhdyj pjatyj deputat Gosdumy lobbiruet interesy silovykh struktur” [Every Fifth State Duma Deputy Lobbies in the Interests of Law Enforcement and Security State Agencies] // *Transparency International*, 28.08. URL: <https://lobbying.transparency.org.ru/siloviki/> (accessed on 09.01.2020). (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) “Gorod strakhov, gorod nadezhd” [City of Fears, City of Hopes] // *Logos*, no. 3: 24–53. URL: http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/02.pdf (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)
- Bessonova O.E. (2015) *Rynok i razdatok v rossijskoj matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [Market and Distribution in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration]. Moscow: ROSSPEN. URL: http://lib.ieie.su/docs/2015/Bessonova_2015_Rynok_i_razdatok_v_rossijskoj_matrice.pdf (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2009) “Pochemu „shumit“ Primor’e?” [Why Is Primor’ye “Noising”?] // *Voprosy mestnogo samoupravlenija* [Local Government Issues], no. 6: 23–31.
- Bliakher L.E. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.
- Bliakher L.E. (2017) “Rossijskie regiony v poiskakh silovogo predprinimatelja” [Russian Regions in Search of Enforcement Entrepreneur] // *Politeia*, no. 2: 60–79. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-2\(85\)-60-79.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-2(85)-60-79.pdf) (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E. (2019) “Politicheskaja forma Rossii i sotsial’no-politicheskie struktury Severnoj Evrazii” [Political Form of Russia and Socio-Political Structures of North Eurasia] // *Politeia*, no. 1: 114–148. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1\(92\)-114-148.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-1(92)-114-148.pdf) (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)
- Blyakher L.E., ed. (2000) *Izmenenie povedenija ekonomicheski aktivnogo naselenija v uslovijakh krizisa: Na primere melkikh predprinimatelej i samozanjatykh* [Changes in Behaviour of the Economically Active Population under Crisis Conditions: The Case of Small Entrepreneurs and Self-Employed]. Moscow: MONF. (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. (2004) “Politicheskie mify Dal’nego Vostoka” [Political Myths of the Far East] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 5: 28–39. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/5/Polis-2004-5-Blyakher.pdf> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)
- Blyakher L.Ye. and T.L.Ogurtzova. (2006) “Prikljuchenija legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumptsii vinovnosti” [Adventures of Power Legitimacy in Russia, or Reviving of the Presumption of Culpability] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 53–66. URL:

<https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)

Byzov L.G. (2019) “Ot rastsveta k upadku. Tsenostnoe izmerenie putinskoj epokhi (2000—2018)” [From Blossoming to Decline: Valuable Measurement of Putin’s Era (2000—2018)] // *Svobodnaja mysl’* [Free Thought], no. 2: 49—64. (In Russ.)

Erokhin I.U. (2015) “Kazach’ja model’ gosudarstvennoj vertikali” [Cossack Model of Vertical State] // *Probely v rossijskom zakonodatel’stve* [Gaps in Russian Legislation], no. 3: 44—48. (In Russ.)

Filippov A.F. (2006) “Kritika Leviafana” [The Criticism of Leviathan] // Schmitt C. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbssa: Smysl i fiasko odnogo politicheskogo simvola* [Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes: Sinn und Fehlschlag eines politischen Symbols]. St Petersburg: Vladimir Dal’: 5—100. (In Russ.)

Gaman-Golutvina O.V. (2007) “Menjajushchajasja rol’ gosudarstva v kontekste reform gosudarstvennogo upravljenija: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt” [The Changing Role of the State in the Context of the Reforms of the State Government] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 24—45. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2007/4/3.pdf> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)

Guillery D. (2020) “Domination and Enforcement: The Contingent and Non-Ideal Relation between State and Freedom” // *Politics, Philosophy and Economics*, vol. 19, no. 4: 403—423.

Kordonsky S.G. (2009) “Administrativno-territorial’naja struktura Rossii i ee resursno-soslovnaja priroda” [Administrative-Territorial Structure of Russia and Its Resource-Estate Nature] // *Mir Rossii: Sotsiologija, etnologija* [Universe of Russia: Sociology. Ethnology], vol. 18, no. 3: 3—38. (In Russ.)

Olson M. (1982) *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press.

Olson M. (2010) “Diktatura, demokratija i razvitie” [Dictatorship, Democracy and Development] // *Ekonomicheskaja politika* [Economic Policy], no. 1: 167—183. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/22/1251382788/13.pdf> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)

Paneyakh E.L. (2003) “Neformal’nye instituty i formal’nye pravila: zakon dejstvujushchij vs. zakon primenjaemyj” [Informal Institutions and Formal Rules: the Law in Force versus the Applicable Law] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 33—52. (In Russ.)

Paneyakh E.L. (2007) “Chinovnik protiv predprinimatelja: manipuljatsija zakonom kak bazovaja tekhnika kontrolja v postsovetskoj Rossii” [Official against a Businessman: Manipulation with the Law as the Basic Technique of Control in Post-Soviet Russia] // *Politeia*, no. 2: 5—26. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Paneyah-2007-2.pdf (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)

Parentov D.A. and K.E.Petrov. (2020) “Koronavirus i politika: zaprosy i tsennosti v epokhu pandemii” [Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic] // *Mezhdunarodnaja analitika* [Journal of International Analytics], vol. 11, no. 2: 109—121. (In Russ.)

Petrov N. (2019) “20 let Putina: transformatsija silovikov” [20 Years of Putin: the Transformation of the Siloviki] // *Vedomosti*, 21.08. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/21/809260-transformatsiya-eliti> (accessed on 07.03.2021). (In Russ.)

Sassen S. (2000) “Privedenie global’noj ekonomiki v dejstvie: rol’ natsional’nykh gosudarstv i chastnykh faktorov” [Making the Global Economy Run: The Role of National States and Private Agents] // *Mezhdunarodnyj zhurnal sotsial’nykh nauk* [International Journal of Social Sciences], no. 28: 167–175. (In Russ.)

Shanin T. (1990) “Formy khozjajstva vne sistem” [The Forms of Economy outside the Systems] // *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], no. 8: 109–115. (In Russ.)

Sintsov G.V. and E.V.Bityutskiy. (2019) “Rol’ i posledstviya „parada suverenitetov“ 1990–1991 gg. v stanovlenii i razvitii rossijskoj gosudarstvennosti” [Role and Consequences of the Parade of Sovereignities in 1990–1991s in the Formation and Development of the Russian Statehood] // *Izvestija vysshikh uchebnykh zavedenij: Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* [University Proceedings: Volga Region. Social Sciences], no. 1 (49): 59–66. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/files/izvuz_on.pnzgu.ru/07119.pdf (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)

Starodubrovskaya I.V. and V.A.Mau. (2004) *Velikie revoljutsii: Ot Kromvelja do Putina* [Great Revolutions: From Cromwell to Putin]. Moscow: Vagrius. (In Russ.)

Volkov V.V. (1998) “Monopolija na nasilie i skrytaja fragmentatsija rossijskogo gosudarstva (Issledovatel’skaja gipoteza)” [Monopoly for Violence and the Latent Fragmentation of the Russian State] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 5: 39–47. (In Russ.)

Volkov V.V. (2020) *Silovoe predprinimatel’stvo, 21 vek: Ekonomiko-sotsiologicheskij analiz* [Violent Entrepreneurship, 21st Century: Economic and Sociological Analysis]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Zaostrovcev A.P. (2010) “Mansur Olson ob avtokratii, demokratii i razvitii” [Mansur Olson on Autocracy, Democracy and Development] // Zaostrovcev A.P., ed. *Ekonomika i instituty* [Economics and Institutions]. St Petersburg: Leont’evskij tsentr: 129–155. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/g75cmkftd8/direct/71336130.pdf> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.)